

**ЛИВАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
ГЛАЗАМИ МАРОНИТСКОГО ПАТРИАРХА
БУЛОСА II МЕУШИ:
два донесения швейцарских послов в Бейруте**

Подготовка к публикации, перевод с французского и немецкого, комментарии *Алексея САРАБЬЕВА*

Публикуются и подробно комментируются архивные документы 1959 и 1960 гг., в которых швейцарские послы в Бейруте дают подробную оценку ситуации на политической арене и в общественной среде Ливана. Они опираются на информацию, полученную от ключевых иерархов Маронитской церкви, и прежде всего – от тогдашнего патриарха Булоса II Меуши. Оба документа отличаются относительной непредвзятостью, коренящейся вообще в политическом курсе Швейцарии тех лет; они по-своему информативны, оригинальны, демонстрируют высокий профессионализм их авторов и живое участие в тех вопросах, которые обсуждались с маронитским патриархом и бейрутским архиепископом Игнасом Зияде. Излагаются сведения о ведущих представителях политического бомонда и социально-политических процессах, приводятся высказывания патриарха Булоса II о состоянии христианских общин Ливана и судьбе христианства на Ближнем Востоке. В плане исторической темы межконфессиональных отношений в регионе эти документы, содержащие исторические детали и мнения из первых уст, несомненно, представляют собой ценный источник для специалистов и живую зарисовку полнокровной жизни независимого Ливана того времени.

Ключевые слова: ближневосточное христианство, социальные проблемы, межконфессиональные отношения, политический бомонд, Маронитская церковь, Ливан.

Публикуемые дипломатические донесения послов Швейцарии в Бейруте – одни из немногих, почти полностью посвященных религиозно-политической проблематике ливанского общества. Их объединяет подробное изложение мнения патриарха Маронитской церкви в 1955–1975 годах Булоса (Павла) II Меуши¹ по вопросам внутренней политики Ливана, положения христиан на Ближнем Востоке и межрелигиозных отношений.

¹ Патриарх Маронитской церкви Булос II (Меуши) (1894–1975) продолжал в целом курс своего предшественника, Антуна Ариды (патриарх в 1931–1955 гг.) основанный на популярной тогда идее арабского единства. Патриарх Булос Меуши рассматривал арабскую культуру как основу этнокультурной самоидентификации ливанцев, отстаивая при этом ливанский религиозный плюрализм. Он уделял большое внимание отношениям ливанских маронитов с мусульманами всего ближневосточного региона и, видимо, не был чужд политических амбиций. Такой курс главы церкви не мог не вызывать споров и разногласий. Чрезвычайную обеспокоенность маронитских политиков и части епископата вызывали симпатии патриарха Булоса II к движению арабских националистов и к идее панарабизма вообще. Он приветствовал объединение в 1958 г. Египта и Сирии в рамках Объединенной Арабской Республики (ОАР), поддерживал египетского президента Гамалю Насера. Недовольные этим высокопоставленные марониты направили послание папе римскому с протестом против подобной активности патриарха. Булос II осмеливался выступать и против президента Ливана Камиля Шамуна, осуждая его действия в кризисные 1957–1958 годы. В период выборов в октябре 1958 г. патриарх открыто встал на сторону Фуада Шехаба, который и был избран президентом страны. И впоследствии патриарх Булос II пытался участвовать в политической жизни Ливана – уже в рамках Маронитской лиги. Эта организация, возникшая еще в 1952 г., опиралась на авторитет церкви и патриарха, достигнув наибольшей активности в конце 60-х – начале 70-х гг. Правда, к тому времени патриарх стал отходить от идей арабской идентичности маронитов в пользу финикиизма. Помимо патриарха Булоса II Лигу поддерживал генерал Ливанского маронитского ордена. См.: *Родионов М.А., Сарабьев А.В.* Марониты: традиции, история, политика / Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2013. (500 с.) С. 162.

Документы по-своему уникальны – они весьма рельефно отображают вовлеченность ливанских религиозных общин и их иерархов в политические процессы того времени, в том числе в региональном масштабе. Для историков, занимающихся Ближним Востоком в ракурсе межконфессиональных связей и противоречий, публикуемые донесения могут представлять несомненный интерес.

Первый из документов датирован концом октября 1959 г., а второй – началом декабря 1960 г. За тот период сменились как отправитель, так и получатель этой дипломатической корреспонденции: на посту посла Швейцарии в Бейруте (с аккредитацией также в Сирии, Ираке и Иордании, а затем и на Кипре) Эгберта фон Граффенрида (Egbert von Graffenried)¹ в мае 1960 г. сменил Гвидо Киль (Guido Keel)², тогда как на посту главы швейцар-

¹ *Эгберт фон Граффенрид* (1909–1981) швейцарский дипломат из древнего бернского рода. Работал в Шанхае, Нью-Йорке, в 40-е годы – в диппредставительстве Швейцарии в Лондоне, затем, с 1950 г. – в центральном аппарате швейцарского внешнеполитического ведомства – Политического департамента Федерального совета Швейцарии (ее правительства). В 1955–1956 гг. был членом швейцарской делегации в Комитете нейтральных государств, которая курировала прекращение огня в Корее. С 1956 г. – посланник Швейцарии в Бейруте, а с марта 1958 г. по март 1960 г. – после учреждения посольства в Бейруте с аккредитацией в Сирии, Ираке и Иордании – посол Швейцарии. Затем был направлен послом в Стокгольм, в 1965 г. – в Канберру, в 1970 г. – в Афины (оставался послом в Греции по конец 1974 г.).

² *Гвидо Киль* (1906–1999), родом из Сен-Галлена, начал свою дипломатическую карьеру в 1934 г. в центральном аппарате внешнеполитического ведомства Швейцарии, затем работал в посольствах в Риме и Праге. В мае 1960 г. был направлен послом в Бейрут, где прослужил до конца 1965 г., выполняя также обязанности швейцарского высшего диппредставителя, аккредитованного в Никосии, Багдаде, Аммане и Дамаске. Затем, с 1965 по 1969 г. был послом в Варшаве, а с 1969 по 1971 г. – послом в Осло. В свое время учился в Вене, Цюрихе, Бордо, Риме и Берне, получил степень Ph.D. Из упомянутых в этой публика-

ского внешнеполитического ведомства – Политического департамента Федерального совета Швейцарии – Макса Птипьера (Max Petitpierre)¹ сменил Фридрих Вален (Friedrich T. Wahlen)².

Несмотря на разное авторство, оба донесения производят впечатление относительно непредвзятых анализов событий и процессов в ливанском обществе – в той части текстов, где звучит мнение самих этих дипломатов и где приводятся собственные авторские комментарии к сказанному их высокопоставленными собеседниками. При некоторых различиях в стиле изложения, оба документа по-своему информативны и оригинальны, демонстрируют знание авторами своего дела и живое участие в вопросах, поднимаемых, в частности, маронитским патриархом Меуши.

ции швейцарских политиков (протестантов-реформистов), он единственный был католического вероисповедания, то есть фактически единоверцем своих высоких маронитских собеседников.

¹ Макс Птипьер (1899–1994) с января 1945 по июнь 1961 гг. возглавлял Политический департамент Федерального совета Швейцарии, что соответствует статусу министра иностранных дел. Юрист, декан юридического факультета Университета Невшателя, уже с 1937 г. он начал политическую карьеру. В 1950, 1955 и 1960 гг. был президентом Швейцарии (годовые сроки президентства).

² Фридрих Трауготт Вален (1899–1985), агроном по образованию (Dr. Sc., 1922), с 1958 по 1965 гг. являлся членом Федерального совета Швейцарии и главой Департаментов юстиции и полиции, экономики, а с июля 1961 по конец 1965 г. – возглавлял Политический департамент (аналог МИДа) этого высшего органа государственного управления. В 1961 г. был президентом Швейцарии. Образование получил и затем работал по специальности в Цюрихе, а также учился и работал в Англии, Голландии и Канаде. До своей политической карьеры служил профессором агрономии в Федеральной высшей технической школе Цюриха (университет, ETH-Zürich), сотрудником Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), после завершения политической карьеры в 1966 г. занимался в том числе защитой избирательных прав женщин.

Такая непредвзятость и оригинальность может быть во многом обязана внешнеполитической линии Швейцарии, которую жестко отстаивал, в частности, знаменитый швейцарский дипломат и политик М. Птипьер. Эта линия была направлена на позиционирование его страны как гаранта мировой финансовой стабильности, стоящего «над схваткой» разных глобальных систем. Он, как известно, всеми силами отстаивал принцип нейтралитета своей страны, в том числе препятствовал вступлению Швейцарии в ООН, СЕ и ЕЭС, проводил линию на равноудаленную внешнюю политику. Считается, что такая выработанная при нем принципиальная политическая линия сохранялась до конца «холодной войны» его продолжателями. Тем самым, тексты донесений, заключая в себе известную долю объективных оценок событий и состояния дел тех лет, представляют важный, относительно независимый угол зрения на Ближний Восток в период активной фазы государственного строительства и региональных идеологических баталий.

В плане анализа развития межрелигиозных отношений, изменения на протяжении XX в. положения христиан в ближневосточном регионе эти документы могут предоставить бесценные исторические детали и мнения, так сказать, из первых уст. Так, кроме описания встречи и передачи беседы с патриархом Меуши, посол Г. Киль предлагает также мнения по разным вопросам маронитского архиепископа Бейрутского в 1952–1986 гг. Игнаса (Игнатия) Зияде (1906–1994). Интересно, что в политическом отношении тот, как сказано в документе, «вошел в известное противостояние с маронитским патриархом» – своим непосредственным главой. Поддержка маронитским бейрутским владыкой президента Камиля Шамуна во время гражданского кризиса 1958 г. не являлась в глазах маронитов вопросом религиозной веры, и, тем самым, не могла –

в рамках либеральной религиозно-политической культуры Ливана – привести тогда к расколу.

Сегодня, как и в начале 60-х годов, вновь звучит тревога маронитских иерархов относительно «растущего потока исламских боевиков» и «больших масс невежественного и охваченного примитивным фанатизмом населения, которых религиозно-националистические лозунги тщеславных вождей воодушевляют и направляют к подрывным целям». Вместе с тем, печальной правдой выглядит тогдашняя убежденность высокого представителя маронитского клира о начавшемся оскудении веры ливанских христиан, о том негативном примере, который некоторые из его современников в начале 60-х гг. являли собой для населения Ближнего Востока в целом.

В первом из документов, помимо освещения встречи с маронитским патриархом, подробно говорится также и об одном из основателей и последующем безусловном лидере партии «Ливанские фаланги» (*Аль-катаиб аль-любнанийя*) Пьере Жмайеле¹ (1905–1984). Мнение швейцарского дипломата об этом ведущем на тот момент маронитском политическом деятеле дополняет картину, представленную патриархом Булосом Меуши в отношении направлений активности ливанских христиан и их представителей в политическом бомонде. Весьма любопытно, в частности, сочетание характеристик этого деятеля, с одной стороны, как идеалиста, видящего свои цели якобы только в духовной и социальной плоскостях и все-ррез занимающегося проектами политического реформи-

¹ Пьер Жмайель происходил из знатного ливанского рода, имевшего родовое поместье в районе Бикфайи. Изначально единомышленниками Жмайеля, стоявшими у основания партии, были такие известные ливанские деятели, как Шарль Хелу (будущий президент Ливана, 1964–1970), Шафик Насыф, Эмиль Яред и Жорж Наккаш, но вкоре из-за возникших разногласий они вышли из организации.

рования государственного устройства Ливана (с привлечением опыта Швейцарии), а с другой – как прагматика, предлагающего зарабатывать, например, на позиционировании Бейрута в качестве центра арабского единства.

Добротным контекстным дополнением к приводимым документам – и тоже в качестве источника – могли бы послужить статьи на сходные темы и того же времени в немецкоязычной швейцарской газете «Нойе Цюрхер Цайтунг» (*Neue Zürcher Zeitung*), полная подшивка которой за несколько десятилетий имеется в том же архиве Цюриха (AZGZ, NZZ Archiv).

Приношу искреннюю благодарность Архиву современной истории при Федеральной высшей технической школе Цюриха (Archiv für Zeitgeschichte der ETH Zürich) и его любезным сотрудникам, предоставившим возможность копировать и широко использовать материалы архива (в частности коллекцию Гвидо Киля и архив «Нойе Цюрхер Цайтунг»), а также Федеральному архиву в Берне (Swiss Federal Archives, Bern), предоставившему в открытый доступ и для всех желающих цифровые копии многих дипломатических документов.

Биографические данные по дипломатам и главам внешнеполитического ведомства Швейцарии собраны из различных швейцарских баз данных: <http://www.hls-dhs-dss.ch>, <http://dodis.ch>, <http://www.helvetica.ch>, <https://www2.unil.ch> и др.

**Документ 1. Донесение посла Швейцарии в Бейруте
Эгберта фон Граффенрида главе швейцарского внеш-
неполитического ведомства от 29.10.1959¹.**

Посольство Швейцарии
Бейрут, 29 октября 1959 г.

Ref.: B.15. – Gr/i

Beirut: RP No.13

Ливан: Встречи с двумя христианскими деятелями

Г-ну Федеральному советнику Максу Птипьеру,
главе Федерального Политического Департамента
Берн

Г-н Федеральный советник,

На днях я имел случай нанести визит маронитскому патриарху, Его Блаженству монсиньору Полю Меуши, а также встретиться с главой партии «Фаланги» Пьером Жмайелем, членом правительства с октября 1958 г.

1) Как говорят, патриарх Меуши сыграл заметную роль во время кризиса, приведшего к восстанию летом 1958 г. Его разногласия с экс-президентом Шамуном² были

¹ Источник: Swiss Federal Archives, Bern. Schweizer Botschaft in Beirut. Die diplomatischen und konsularischen Dokumente, 1945–1972. Egbert von Graffenried. Entretiens avec le Patriarche Maronite et un membre du Gouvernement, 29.10.1959 (No. 15271).

² *Камиль Шамун* (1900–1987), родом из маронитского городка Дейр-эль-Камар к югу от Бейрута, к началу своего президентства (1952–1958) был уже очень опытным политиком: в его послужном списке значились ответственные дипломатические посты посла Ливана в Великобритании и постпреда в ООН, должности министра финансов, внутренних дел и здравоохранения. Прозападный курс президента Шамуна, его открытый антагонизм с Египтом Г. Насера и опо-

не единственной причиной такой его позиции. Патриарх, за которым пошли марониты из соседних арабских стран, заявил, что христиане на Востоке – ни что иное как «капля в океане», представляющая возрождение арабского национализма, и что без объединения с мусульманами христиане будут сметены. Духовный глава маронитов – общины наиболее сильной и наиболее представительной среди христиан Востока – осознает поэтому, что все принятые Ливаном прозападные позиции устарели, и совершенно необходимо добиться союза с новыми силами, то есть соседними странами. Эта позиция, без сомнения, основанная на серьезных соображениях, но не без тесной увязки с предыдущим режимом, снискала патриарху славу одного из ведущих деятелей оппозиции против режима Шамуна. Вожди восстания – во главе с мусульманскими [Л. 2] лидерами – сполна уделяли внимание патриарху. Его резиденция в Бкерке была наводнена представителями или делегациями от оппозиции. Эта ситуация, по меньшей мере двусмысленная, породила бурное негодование среди духовенства и вообще среди христиан. Некоторые марониты дошли до угроз требовать вмешательства Святого престола. И ведь не просто патриарх продолжает оставаться при таком своем мнении: он еще и получил – в ходе ливанского кризиса – паллиум¹, который на него возложил

ра на американскую военную помощь, вкупе с неприятием идей арабизма и арабского социализма, привели его к конфронтации со значительной частью ливанских политических лидеров. Назревавший с 1957 г. и вспыхнувший летом 1958 г. острый внутренний конфликт в Ливане привел к отставке президента Шамуна и приходу к власти проарабски настроенного командующего ливанской армией Фуада Шехаба (1902–1973, оставался президентом до 1964 г.) – на волне успешного урегулирования внутривосточной ситуации по формуле «Ни победителей, ни побеждённых».

¹ Паллиум, или паллий – специальным образом сотканный покров в виде ленты из тонкой белой овечьей шерсти с вышитыми шестью

сам святой папа во время поездки того в Европу прошлой весной. На этот раз патриарх был, кроме того, официальным гостем французского правительства, и такое приглашение имело целью подчеркнуть ту роль, которую Франция во все времена играла в отношении христиан Востока. (Кстати, только что новым режимом был смещен со своего поста посол в Париже Муса Мубарак, у которого была давняя ссора с патриархом и которого президент Шамун назначил во французскую столицу, невзирая на сильное сопротивление своего религиозного главы!) Патриарха пригласили тогда и в Испанию, где генерал Франко передал ему стипендии для 20-и ливанских семинаристов.

Во время нашей встречи вопрос о его предшественниках звучал неявно. Патриарх, позиции которого в результате развития политических событий последних месяцев только усилились, не преминул все же намекнуть, что проблемы Ближнего Востока настолько усложнились, что такого никому не пожелаешь. При этом он не скрывал своей озабоченности в отношении будущего, в особенности имея в виду ситуацию в Сирии и Ираке. Для патриарха пробуждение арабского национализма является реальностью, которая – помимо многовекового противостояния между Каиром и Багдадом – может также навлечь серьезные проблемы как на христиан в целом, так и на ливанское [религиозно-политическое] равновесие, в частности. Что касается Ливана, то он также дал понять, что конфессиональный принцип распределения высших постов очень сильно рискует однажды быть подвергну-

черными, красными или фиолетовыми крестами. Возлагается на плечи особо отмеченного католического архиепископа на специальной папской церемонии, традиционно приуроченной к празднику св. апостолов Петра и Павла. Понтификальный паллий служит знаком особой важности возглавляемого архиепископом архидиоцеза – митрополии. Является также элементом папского облачения.

тым сомнению¹ [Л. 3] По его словам, проблема коренится в том факте, что для мусульман религия, отечество и арабизм образуют концепцию, которой Запад никогда, похоже, не сможет придавать должного значения. М-ор Меуши заметил также, что ливанская эмиграция во все времена состояла в значительной степени из маронитов. Предпринимались различные меры в попытках занять лишние рабочие руки – в частности, внедрение местных производств в интересах горных жителей, чтобы сдерживать эмиграционное движение. Результат, которого хотели достичь, был вовсе не только демографического плана – ведь территория страны очень невелика, – но преследовалась задача конфессионально-политического характера. Фактически численность христиан стремится к меньшинству по сравнению с мусульманами. В свою очередь, ливанские эмигранты, занимающие выгодные позиции за рубежом, все же представляют для своей страны силу, и прежде всего в экономическом плане: ведь значительное число хозяйств обращаются к родной земле и составляют в любом случае заметный доходный актив. Но также и в плане духовном: эти переселенцы остаются связанными с их страной происхождения, а по сему являются элементами распространения ценностей в интересах Ливана.

Приведу, наконец, колоритную деталь беседы: м-ор Меуши рассказал, что недавно у него был Саиб Салам, мусульманский вождь восстания, который много говорил ему о своем недавнем пребывании в Швейцарии, называя его [временем] «откровения и вдохновения».

Что касается дел церковных, то патриарх объявил недавно о созыве очередного собора маронитского духовенства, первого после длительного перерыва. Планируют-

¹ Описание патриархом конкретного эпизода – подобного рода оспаривания закрепления президентства за маронитами – приводится со всеми подробностями в следующем публикуемом документе.

ся, в частности, вопросы, инспекции организации [общин] маронитов в соседних странах, где не всегда доброжелательно относятся к верховенству патриарха, находящегося в Ливане.

Замечу, кстати, что патриарх держит некоторый лот акций «Ливанского цемента» (“Ciments libanais”) [филиала] группы Шмидхайни (Schmidheiny)¹; предшественник м-ора Меуши в свое время [Л. 4] участвовал в выкупе этой старинной французской компании, находившейся в затруднительном положении.

2) Пьер Жмайель, бывший недавно нашим гостем, сосредоточился – еще со времени создания «Фаланг» в конце периода французского мандата – на задаче взрастить элиты из молодого поколения и заинтересовать их общественными проблемами. Кризис 1958 г. он встретил подготовленным и, благодаря 50-и тысячам весьма дисциплинированных фалангистов, стал главным лидером христианского лагеря, которому удалось-таки восстановить равновесие. Рассматривая свою задачу прежде всего в планах духовном и социальном, он, не иначе как скрепя сердце, впервые вошел в правительство после потрясений прошлого года². В результате недавнего расширения Кабине-

¹ Богатейшая семья швейцарских предпринимателей из Цюриха, в свое время сделавшее состояние, в том числе на производстве стройматериалов. В наше время на слуху имена двух влиятельных миллиардеров из этой фамилии.

² Газета «Нойе цюрхер цайтунг» сообщала: «В Ливане сформировано новое правительство, в состав которого вошли: премьер-министр, министр финансов и обороны – Рашид Караме, общественных работ и здравоохранения – Пьер Жмайель, МИД – Хусейн Уэйни, МВД и информации – [Али] Баззи, юстиции и торговли – Филипп Такла, образования и планирования – Фуад Бутрос, общественного транспорта и социальных вопросов – Морис Зуэйн, сельского хозяйства – Фуад Наджжар». См.: Kabinetterweiterung in Libanon // *Neue Zurcher Zeitung*, 8.10.1959. AZGZ, NZZ Archiv, 3025.

та, он оставил Министерство образования и возглавил Министерство общественных работ, продолжая следовать общему плану, направленному на реформы институтов власти. Совсем недавно партия «Фаланги» приняла целую серию тезисов, содержащих в сжатом виде проекты в разных сферах – экономической и социальной, внутренней политики и избирательной реформы, а также внешней политики. По этому последнему пункту в программе провозглашается укрепление уз дружбы со всеми без исключения соседними странами, а также перенос штаб-квартиры Арабской лиги, названной «эффективным инструментом», в одну маленькую страну-участницу при данных ей необходимых гарантиях оплаты за эту миссию.

В качестве члена правительства Пьер Жмайель ходатайствовал, пользуясь разными случаями, о нашем содействии в изучении материалов по швейцарским институтам власти. Недавно он также выражал мне свое намерение подать запрос о присылке новых швейцарских специалистов.

Для многих политических деятелей, особенно из христианского лагеря – а такого же мнения придерживается и Пьер Жмайель, – прогрессивная лаицизация государства необходима все больше и больше. [Л. 4] Кризис 1958 г. выявил угрозы режиму, где конфессиональным элементом так отчетливо помечены общинные структуры. Более того, события прошлого года повлекли за собой серьезные противоречия и в самой христианской среде.

* * *

Такого рода визиты, в частности к религиозным главам христиан и мусульман, – а для этого требуется, между прочим, тщательно учитывать чувствительность религиозных общин, – составляют часть работы на высоком

дипломатическом посту в этой стране. Хотя такие встречи наиболее часты в публичных местах, обставленные определенной протокольной торжественностью, они все же не становятся менее познавательными, выявляя, в отличие от повседневных мероприятий, культурные и исторические силы этого региона. Нас также часто просят многие религиозные заведения одолжить им фильмы и передать материалы образовательного характера. В настоящее время два наших соотечественника проходят обучение в области востоковедения во французском Университете св. Иосифа [в Бейруте] – один иезуитский священник, другой – протестантский пастор.

Прошу принять уверения, господин Федеральный советник, в моем почтении.

Посол Швейцарии:
(подпись от руки) Граффенрид

Документ 2. Донесение посла Швейцарии в Бейруте Гвидо Килья (Guido Keel) главе швейцарского внешнеполитического ведомства от 7.12.1960¹.

Посольство Швейцарии
Бейрут (Ливан)
7 декабря 1960 г.
В.15. – /wr
Beirut: RP No.9

Г-ну Федеральному советнику Фридриху Т. Валену,
главе Федерального политического департамента
Берн

Угроза христианству в Ливане?

Г-н Федеральный советник,

Ливан – единственная из арабских стран, в которой, по крайней мере теоретически, христиане находятся в большинстве. Когда французы после Первой мировой войны добились признания мандата на Ливан и Сирию, они провели границу Ливана именно так, чтобы христиане составляли большинство населения с небольшим перевесом. По последней переписи, проведенной, правда, много лет назад, 52%-м христиан противостоят 48% мусульман. На этом соотношении и основывается ныне существующая религиозно-политическая «рабочая гипотеза», кото-

¹ Источник: Archiv für Zeitgeschichte der ETH Zürich (AZGZ). NL Guido Keel 6.2 Politische Berichtes, 1960. Herrn Bundesrat Max Petitpierre Vorsteher des Eigenoessischen Politischen Departamentes, Bern. ([Посольство Швейцарии, Бейрут (Ливан). Посол Гвидо Киль] федеральному советнику, Максу Птипьеру, главе Федерального Политического Департамента. Берн. Политическое донесение). Politisch Bericht, 7.12.1960.

рая нашла выражение в Национальном пакте 1943 г. – устном соглашении между политическими лидерами христианской и мусульманской религиозных общин.

Согласно Национальному пакту, политический баланс между религиями достигается таким образом, что президентом республики должен быть христианин (маронит), главой кабинета – мусульманин-суннит, а председателем парламента – мусульманин-шиит. Также и в Палате закреплены априори основные религиозные группы страны – количество мандатов в соответствии с приблизительной долей населения. Количество депутатов – сейчас 99 – должно быть всегда кратно 11-и, чтобы по-справедливости соответствовать доле в составе населения – 6 христиан (различных обрядов) на 5 мусульман и 1 друза. В отношении внутреннего спокойствия и выживания Ливана все зависит [Л. 2] от того, чтобы этот искусственно состряпанный баланс не нарушался. Всякое посягательство на существующее положение может иметь далеко идущие последствия, поскольку грозит подорвать в государстве сосуществование религиозных общин, в котором и усматривается особенный “рэзон д’этр” Ливана.

В последние месяцы усилились признаки того, что со стороны мусульман-суннитов идут попытки расшатать нынешний религиозно-политический баланс в Ливане, чтобы изменить его в пользу превосходства мусульман. Кровавые события летних месяцев 1958 г. пробудили в мусульманской части населения силы, которые, несмотря на последовавшую за беспорядками формулу примирения “Ни победителей, ни побежденных”, по-видимому, не собираются отказываться от своих подрывных действий и своей цели.

Снова и снова радикально настроенные мусульманские политики требуют проведения новой переписи населения. При этом основание подобным притязаниям лежат

в такого рода аргументах: с последней переписи не только увеличилось население с 1,4 млн до приблизительно 1,6 млн чел., но и произошло смещение конфессионального баланса. Вследствие большего коэффициента рождаемости, как считают мусульмане, теперь был достигнут перевес над христианами. Кроме того, в стране проживают около 150 тыс. палестинских беженцев, в подавляющем большинстве – мусульмане. Поэтому принятый религиозный состав считается недействительным и претерпевшим изменения. На позиции христиан неблагоприятно влияет то обстоятельство, что добрая часть горцев-христиан, как и раньше, имеет обыкновение оставлять свои жалкие очаги, чтобы приумножить большое число ливанских эмигрантов во всех частях света. Христиане осознают такое свое удручающее положение и стараются с большим упорством отклонить любые инициативы по переписи населения¹. Они все больше и больше понимают, что требова-

¹ В действительности, не только оценки состава населения, но даже переписи (правда, не получавшие огласки) имели место. Так, британский дипломат Т. Фрэнк Бренчли, служивший в 1963–1967 гг. главой Арабского отдела британского Форин оффис и, по его словам, впервые попавший в Ливан армейским офицером еще в 1942 г., в своем письме послу в Ливане Полу Г. Дж. Райту от 5 июня 1973 г. возражает утверждению, что в Ливане не проводилась перепись с 1932 г. Он пишет: «Я ясно помню, что одна перепись проводилась во время моего нахождения в Бейруте. Я так отчетливо помню это по двум причинам. Первая из них это та, что меня позабавила процедура переписи, во время которой все (конечно, и армейские офицеры, вроде меня), кроме переписчиков, оставались дома на протяжении всего воскресенья, пока те считали. Вторая – та, что я воспользовался неестественной пустотой улиц, чтобы спуститься в люк за пределами нашего отеля св. Георгия на подключение подводного кабеля, соединяющего Бейрут и ливийский Триполи, – на операцию, которую по определенным причинам, вдаваться в которые займет слишком много времени, я желал бы провести без большого количества свидетелей. Возможно, конечно, что результаты той переписи не были никогда опубликованы, и это объясняет, почему последняя перепись, о кото-

ния, выставяемые им, угрожают поколебать их положение и их завоевания.

[Л. 3] Волну беспокойства в христианском лагере возбудила инициатива депутата-мусульманина Аднана Хакима¹. Как вождь мусульманских молодежных и боевых отрядов «Наджжады» этот политик представляет крайнее крыло сторонников панарабизма насеристского типа². Хаким пришел к президенту страны Шехабу и потребовал,

рой у вас имеется запись, относится к 1932 г. Если так, то не вызывают сомнения доводы, приведенные в вашем донесении, о продолжающемся нежелании проводить в Ливане переписи. Что интересно, эта перепись 1942–1943 гг. (возможно, немного потрудившись, я мог бы уточнить дату, но сомневаюсь, стоит ли) имела место незадолго до устного Национального пакта 1943 г. <...>». См.: Letter from Ambassador T.F. Brenchley to Ambassador P.H.G. Wright, Embassy of Great Britain, Beirut, June 5, 1973 // Muslim minorities in Arab countries, 1843–1973: 4 v. / Ed. B.D. Destani. Slough: Cambridge Archive Editions, 2006. Vol. IV: 1950–1973. (605 p.) (Minorities in the Middle East). P. 357.

¹ Аднан Хаким (ум. 1990) – лидер просуннитской националистической арабской партии «Наджжада», трижды избирался депутатом в парламент. Организацию формально возглавил в 1953 г., превратив в самостоятельную партию после двухлетнего периода ее политического самоограничения. Партия продолжает свою деятельность, основываясь на принципах крайнего арабизма, в частности, лозунг партии звучит: «Арабские страны – для арабов».

² Эта организация в течение 1959–1960 гг. явным образом вышла на позиции противостояния маронитским политическим амбициям, очевидно, видя именно в маронитах основных противников как арабского социализма, так и влияния в стране мусульман. Газета «*Нойе цюрхер цайтунг*» писала тогда, выявляя конфессиональный аспект конфликта, наряду со свойственным ей акцентом на противостоянии насеризму в регионе: «Мусульманские соперники фалангистов, “Наджжада”, боевые части которых обосновались в [бейрутском квартале] Баста, выступили в поддержку Канаана, кандидата от Шамуна. Им сегодня кажется очевидным, что фалангисты гораздо более опасный противник, нежели сторонники Шамуна». См.: Das Spiel der Parteien in Libanon // *Neue Zurcher Zeitung*, 4.07.1959. AZGZ, NZZ Archiv, 2086.

ни много ни мало, чтобы традиционное положение, когда президент республики принадлежит к маронитской общине, было упразднено и заменено на альтернативное правление христианского и мусульманского глав государства.

Президент Шехаб отреагировал на предложение Аднана Хакима очень холодно. Он ответил, что из шести лет его срока впереди еще целых четыре года, и он не собирается досрочно уходить в отставку, а что поставленная проблема должна рассматриваться по меньшей мере как несовременная.

Христианские политики остро отреагировали на поступок Хакима. Создается впечатление, что вопрос этот намеренно и вероломно «выдернут из забора», чтобы внести в политико-конфессиональную ситуацию новый элемент замутненности и нервозности. Сами предводители с мусульманской стороны, такие как глава кабинета министров Саиб Салам и его мусульманские коллеги по кабинету, поражены и смущены. Трудно оценить, насколько искренно это изумление, или же это только притворная растерянность. Во всяком случае, все эти люди в период беспорядков гражданской войны стояли с Аднаном Хакимом на одних и тех же баррикадах.

В христианском лагере отдают себе отчет в том, что пришла в движение легкомысленно начатая дискуссия по основам конфессионального баланса. Дело идет о судьбе ливанского Национального пакта 1943 г. Он представлял собой результат взаимных и добровольных уступок, и это стройное здание грозит быть разрушенным, если одна из религиозных общин захочет отказаться от существенного пункта компромисса.

В отношении ливанской государственной власти нужно учитывать еще и следующее. Своим президентом-христианином Ливан вносит особое звучание в сообщество арабских стран, где [Л. 4] ислам неизменно является

государственной религией и где государственные власти, главным образом в соответствии с конституцией, должны быть мусульманскими. Особый случай Ливана до сих пор служил свидетельством того, что арабы необязательно должны принадлежать к мухамедданству. Для христианских меньшинств близлежащих стран это было бесценной моральной и политической опорой. Теперь же дело выглядит так, что, похоже, в кругах приверженцев панисламского фанатизма интерпретация арабизма в духе религиозной толерантности больше не приемлема.

Насколько эту тревогу разделяют местные христиане, в том числе церковное начальство, я выяснил в ходе посещения маронитского патриарха Ливана и маронитского архиепископа Бейрутского. Как известно, марониты придерживаются византийско-католического обряда на арабском языке. Они представляют собой особый арабский тип в ливанском христианстве и прежде всего стараются чувствовать и думать как члены общеарабского сообщества людей.

Монсиньор Зияде¹, архиепископ Бейрутский, с которым мне и раньше приходилось беседовать, просил меня

¹ *Игнас (Игнатий) Зияде* был архиепископом Бейрута с 1952 по 1986 г. Очевидно, он занимал более сдержанную позицию по отношению к президенту К. Шамуну во время волнений 1958 г., чем патриарх Булос Меуши. В дальнейшем взгляды обоих маронитских иерархов значительно сблизились. Французский историк Стефан Мальсань, автор книги о времени правления президента Шехаба в Ливане, характеризует архиепископа Зияде как человека, чуждого корпоративной солидарности маронитских верхов в их противостоянии промусульманским и даже проарабским позициям властей (в авангарде таких иерархов был, например, непримиримый оппонент патриарха Меуши, маронитский архиепископ второго по величине ливанского города Триполи, монсиньор Джамиль Абед). Автор приводил, в частности, эпизод, когда на важнейшем мероприятии в столичном кафедральном соборе – на чествовании первой годовщины избрания римского папы Павла VI в июне 1964 г. – архиепископ Зияде произ-

сохранить в строгом секрете его сведения. Он подчеркнул, что будущая судьба ливанского христианства дает причину для серьезного беспокойства. Грядущие годы должны принести тяжелые и жестокие столкновения, в которых нужно суметь выстоять против растущего потока исламских боевиков. Как вековой опыт, так и недавнее развитие событий, к сожалению, подтверждают, что антагонизм христианских и мусульманских религиозных общин непреодолим и что успех любой попытки честного примирения остается иллюзорным. И так же бесполезно пытаться выработать лучшее соглашение между лагерями на пути взаимных уступок. Каждая уступка для мусульман оказывается поводом, чтобы вернуть свои новые притязания. «Эти люди всегда готовы брать, но никогда не выражают желания самим что-то отдать», – пояснил архиепископ. Единственно возможная позиция может заключаться, тем самым, в твердости и решимости давать отпор. Стоит христианам смягчить свою позицию, [Л. 5] следствием будет не только крах христианского Ливана, но одновременно и поэтапное уничтожение христианских меньшинств в других арабских странах.

На взгляд м-ра Зияде, границы Ливаны при его основании были расширены, включив области с преобладанием в них мусульман. Следствием этого стал чересчур неустойчивый баланс между религиозными общинами, а также возрастающая опасность для христианской компоненты в стране. Что же можно сделать для предотвращения

нес речь, содержащую похвалы политике президента Фуада Шехаба. А ведь это был последний год его президентства, когда позиции этого проарабского политика были сильно поколеблены, и избрание его на второй срок впоследствии не состоялось. См.: Malsagne, Stéphane. Fu'âd Chihâb (1902–1973): contribution à l'étude d'une figure historique majeure du Liban contemporain / sous la direction de Nadine Picaudou. Paris: Paris-1-Panthéon-Sorbonne, 2002. (688 p.) P. 553–554.

этого угрожающего развития событий? Нужно и дальше пытаться искать самых лучших, обладающих широкими взглядами мусульманских интеллектуалов и политиков для воплощения идеала ливанского государства с его толерантностью и взаимным сотрудничеством. Немаловажно искренне следовать этой идее. Вместе с тем, существуют большие массы невежественного и охваченного примитивным фанатизмом населения, которых религиозно-националистические лозунги тщеславных вождей воодушевляют и направляют к подрывным целям.

Когда м-р Зияде только начинал свое высокое пастырское служение, он полагал, что сможет достичь многого, когда выделял христиан перед мусульманами за их моральную цельность, их осознание социальной ответственности и их безукоризненные убеждения. Это подтвердилось в отношении значительной части простых горцев, но не образованных и лучше устроенных социальных слоев городского населения: здесь христиане показывали мусульманам слишком плохой пример. Они борются за политическое превосходство из чисто личных интересов. Они преклоняются перед раздутым материализмом и безграничной жаждой наслаждения и наживы. В руках христиан находятся бесчисленные сомнительные ночные клубы столицы, крупные и поменьше подозрительные гостиницы. Под покровительством христиан – наркоторговля и даже торговля девушками. В отношении коррупции христиане нисколько не отстают от мусульман.

Для архиепископа наилучшим решением ливанской дилеммы было бы, если страна могла бы стать местом пребывания и встреч многочисленных международных организаций. **[Л. 6]** Ему представляется в мыслях некий ближневосточный филиал Объединенных Наций или аффилированных с ним структур. Эта новая роль для Ливана могла бы поднять его над внутренними межконфессио-

нальными проблемами. Как связующее звено между Азией и Европой, как очаг и точка пересечения различных культур, а также особо призванный служить приютом для многочисленных этнорелигиозных меньшинств, Ливан мог бы стать центром международного сотрудничества. Это решение способствовало бы институтам, свободным в личностном, экономическом и финансовом отношениях. Кроме того, они послужили бы Ливану наилучшей гарантией того, что страна не станет легкой добычей экспансионистской прихоти беспокойных соседей, определенных групп людей или религиозных организаций.

М-р Зияде подчеркивает, что Ливан является особо охраняемой землей для азиатской территории, где христианские идеи живут по праву наследства. Страна, тем самым, является для людей с Запада въездными воротами на Восточный континент, воротами, которые все больше угрожают закрыться для западного влияния. Христианский Запад не должен ослаблять свою солидарность с Ливаном. В противном случае, легко может случиться, что однажды все пространство между Средиземноморьем и Тихим океаном предстанет как непрерывный, огромный, чуждый азиатский мир.

Вот, в общем и целом, архиепископ Бейрутский. Этот высокий церковный деятель во время политических волнений 1958 г. стоял на стороне президента Шамуна, пусть и никогда не разделял взглядов того. Его никогда не покидала сдержанность, наложенная на него духовным саном. И все же он вошел в известное противостояние с маронитским патриархом, монсиньором Меуши, который со своей горячностью, столь мало сочетаемой с его церковным титулом «блаженнейший», составил оппозицию президенту Шамуну. Можно утверждать, что это своеобразное поведение м-ра Меуши основано на личном и материальном противостоянии интересам Шамуна. Видимо, действи-

тельно, назначение патриархов имеет под собой опять же политико-религиозное основание. Патриарх желал предотвратить раскол территории страны по религиозным фронтам. Он признавал, насколько ливанские христиане составляют только лишь небольшую группу в гуще [Л. 7] исламской нации. «В случае, если мы не найдем способа своевременной интеграции, мы будем просто сметены с лица земли», – сказал он.

С тех пор маронитский патриарх уже примирился со своим тогдашним оппонентом [архиепископом Игнасом Зияде]. Он ищет также сближения с другими христианскими политиками, с которыми временно был в ссоре. Мусульмане, которые после тех событий забрасывали его дифирамбами, снова начинают увеличивать дистанцию по отношению к нему. Видны признаки того, что вокруг патриарха, по-видимому, пересматривающего свои прежние оценки существующего положения, может зародиться маронитский оборонительный фронт.

Поэтому я с нетерпением ждал беседы с м-ром Меуши. Он принял меня в своей добротной горной резиденции, в Бкерке. Патриарх – очень приятная личность, в которой, несмотря на возраст, все выдает яркий темперамент и сильную волю. Он расспрашивал меня вначале о впечатлениях и том опыте, что я почерпнул за время моего пребывания за «железным занавесом»¹. О проблеме и методах коммунизма он информирован превосходно. Также и Швейцарию он знает, как представляется, до самых деталей конституционной жизни. Он удерживал меня у себя дольше отведенного по протоколу времени.

На прощание патриарх вывел меня на балкон своей резиденции, откуда можно было наслаждаться величественным видом на горы и море. На этой панораме он показал

¹ Видимо, имелось в виду пребывание Гвидо Килья в Чехословакии во время его работы в посольстве в Праге.

мне ряд христианских церквей, монастырей и учебных заведений, подчеркивая, что близлежащая местность – это центральное место христианского Ливана. Затем он указал на бесчисленные террасы из природного камня на склонах гор, представляющие собой результат труда поколений, чтобы удержать культурный слой почвы. Под давлением мусульманского нашествия, пояснил он, христиане были вынуждены спасаться бегством в эти необжитые края. Кроме храбрости жителей, можно благодарить и бедность почвы за то, что эти области никогда не были заняты мусульманами. «Я порой спрашиваю себя, – сказал м-ор Меуши, – как долго смогут продержаться здесь мои маронитские братья». Сегодня снова видны серьезные признаки опасности. Если опять **[Л. 8]** будут затеяны вероломные действия, лицо христианского Ливана переменится. В этом направлении идет агитация из зарубежных центров. Христианам стоит осознать угрозу, и они должны объединить свои силы. Между тем, утверждают, что якобы враждебные проявления не привлекают к себе явного интереса, и многие все еще пытаются не отступаться от толерантности на своей земле. Но стоит положению серьезно ухудшиться, это станет следующей проблемой. Ливанские христиане живут здесь подобно своим предкам, и пусть, в случае необходимости, христиане с оружием в руках защищают свою веру.

Патриаршью резиденцию я покинул под впечатлением таким боевым, словно пообщался с духовно окормляющим князем церкви. Для прояснилась вся проблематика участия ливанских христиан.

Заверяю Вас, г-н Федеральный советник, в моем глубочайшем почтении.

(Подпись от руки) Keel

PS: Прошу о совершенной секретности в обращении с именами и должностями упомянутых в этом донесении церковных сановников.

